

К Гёте

Category: Goşgular, Kitapçы
написано kitapçы | 24 января, 2025
К Гёте К ГЁТЕ

Творец великих вдохновений!
Я сохраню в душе моей
Очарование мгновений,
Столь счастливых в близи твоей!

Твое вечернее сиянье
Не о закате говорит!
Ты юноша среди созданья!
Твой гений, как творил, творит.

Я в сердце уношу надежду
Еще здесь встретиться с тобой:
Земле знакомую одежду
Не скоро скинет гений твой.

В далеком полуночном свете
Твою Музою я жил.
И для меня мой гений Гете
Животворитель жизни был!

Почто судьба мне запретила
Тебя узреть в моей весне?
Тогда душа бы воспалила
Свой пламень на твоем огне.

Тогда б вокруг меня создался
Иной, чудесно-пышный свет;
Тогда б и обо мне остался
В потомстве слух: он был поэт!

22–26 августа 1827 г.

- [Бородинская годовщина](#)

Русский царь созвал дружины
Для великой годовщины
На полях Бородина.
Там земля окрещена:
Кровь на ней была святая;
Там, престол и Русь спасая,
Войско целое легло
И престол и Русь спасло.

Как ярилась, как кипела,
Как пылала, как гремела
Здесь народная война
В страшный день Бородина!
На полки полки бросались,
Холмы в громах загорались,
Бомбы падали дождем,
И земля тряслась кругом.

А теперь пора иная:
Благовонно-золотая
Жатва блещет по холмам;
Где упорней бились, там
Мирных инокинь обитель;
И один остался зритель
Сих кипевших бранью мест,
Всех решатель браней – крест.

И на пир поминовенья
Рать другого поколенья
Новым, славным уж царем
Собрана на месте том,
Где предместники их бились,
Где столь многие совершились
Чудной храбости дела,
Где земля их прах взяла.

Так же рать числом обильна;
Так же мужество в ней сильно;

Те ж орлы, те ж знамена'
И полков те ж имена...
А в рядах другие стали;
И серебряной медали,
Прежним данной ей царем,
Не видать уж ни на ком.

И вождей уж прежних мало:
Много в день великий пало
На земле Бородина;
Позже тех взяла война;
Те, свершив в Париже тризну
По Москве и рать в отчизну
Проводивши, от земли
К храбрым братьям отошли.

Где Смоленский, вождь спасенья?
Где герой, пример смиренья,
Введший рать в Париж Барклай?
Где, и свой и чуждый край
Дерзкой бодростью дививший
И под старость сохранивший
Все, что в молодости есть,
Коновницын, ратных честь?

Неподкупный, неизменный,
Хладный вождь в грозе военной,
Жаркий сам подчас боец,
В дни спокойные мудрец,
Где Раевский? Витязь Дона,
Русской рати оборона,
Неприятелю аркан,
Где наш Вихорь-атаман?

Где наездник, вождь летучий,
С кем врагу был страшной тучей
Русских тыл и авангард,
Наш Роланд и наш Баярд,

Милорадович? Где славный
Дохтуров, отвагой равный
И в Смоленске на стене
И в святом Бородине?

И других взяла судьбина:
В бое зрев погибель сына,
Рано Строганов увял;
Нет Сен-При; Ланской наш пал;
Кончил Тормасов; могила
Неверовского сокрыла;
В гробе старец Ланжерон;
В гробе старец Бенингсон.

И боец, сын Аполлонов...
Мнил он гроб Багратионов
Проводить в Бородино...
Той награды не дано:
Вмиг Давыдова не стало!
Сколько славных с ним пропало
Боевых преданий нам!
Как в нем друга жаль друзьям!

И тебя мы пережили,
И тебя мы схоронили,
Ты, который трон и нас
Твердым царским словом спас,
Вождь вождей, царей диктатор,
Наш великий император,
Мира светлая звезда,
И твоя пришла чреда!

О година русской славы!
Как теснились к нам державы!
Царь наш с ними к чести шел!
Как спасительно он ввел
Рать Москвы к врагам в столицу!
Как незлобно он десницу

Протянул врагам своим!
Как гордился русский им!

Вдруг... от всех честей далеко,
В бедном крае, одиноко, —
Перед плачущей женой,
Наш владыка, наш герой,
Гаснет царь благословенный;
И за гробом сокрушенno,
В погребальный слившиесь ход,
Вся империя идет.

И его как не бывало,
Перед кем все трепетало!..
Есть далекая скала;
Вокруг скалы — морская мгла;
С морем степь слилась другая,
Бездна неба голубая;
К той скале путь загражден...
Там зарыт Наполеон.

Много с тех времен, столь чудных,
Дней блестательных и трудных
С новым зрели мы царем;
До Стамбула русский гром
Был доброшен по Балкану;
Миром мстили мы султану;
И вскатил на Арарат
Пушки храбрый наш солдат.

И все царство Митридата
До подошвы Арарата
Взял наш северный Аякс;
Русской гранью стал Аракс;
Арзерум сдался нам дикий;
Закипел мятеж великий;
Пред Варшавой стал наш фронт,
И с Варшавой рухнул бунт.

И, нежданная ограда,
Флот наш был у стен Царьграда;
И с турецких берегов,
В память северных орлов,
Русский сторож на Босфоре,
Отразясь в заветном море,
Мавзолей наш говорит:
«Здесь был русский стан разбит».

Всходит днёвное светило
Так же ясно, как всходило
В чудный день Бородина;
Рать в колонны собрана,
И сияет перед ратью
Крест небесной благодатью,
И под ним в виду колонн
В гробе спит Багратион.

Здесь он пал, Москву спасая,
И, далеко умирая,
Слышал весть: Москвы уж нет!
И опять он здесь, одет
В гробе дивною бронею,
Бородинскою землею;
И великий в гробе сон
Видит вождь Багратион.

В этот час тогда здесь бились!
И враги, ярясь, ломились
На холмы Бородина;
А теперь их тишина,
Небом полная, объемлет,
И как будто бы подъемлет
Из-за гроба голос свой
Рать усопшая к живой.

Несказанное мгновенье!
Лишь изрек, свершив моленье,

Предстоявший алтарю:
Память вечная царю!
Вдруг обгрянул залп единый
Бородинские вершины,
И в один великий глас
Вся с ним армия слилась.

Память вечная, наш славный,
Наш смиренный, наш державный,
Наш спасительный герой!
Ты обет изрек святой;
Слово с трона роковое
Повторилось в дивном бое
На полях Бородина:
Им Россия спасена.

Память вечная вам, братья!
Рать младая к вам объятья
Простирает в глубь земли;
Нашу Русь вы нам спасли;
В свой черед мы грудью станем;
В свой черед мы вас помянем,
Если царь велит отдать
Жизнь за общую нам мать.

26 августа 1839 г. Goşular